

Леонид Горохов

*Болотные
солдаты*

Вёрстка, корректура: Е. Н. Романенко
Рига, 2023 г.

Леонид Горохов
(1924 - 2009)

Болотные солдаты
(Фронтовые записки)

Вместо предисловия

Опять глумятся оголтело
Над грозной памятью солдат
И по живому режут тело
За то, что кто-то виноват.
Опять меня витии учат,
Как надо понимать войну,
Как уповать на «всякий случай»
И дёргать «нужную струну».

А я войны не понимаю...
Я просто ею жил, как мог,
В гнилых землянках изнывая,
Я на себе её волок:
И дрог, и мок, и полз, и топал,
Преодолевая боль и страх,
И в обвалившемся окопе
Она хрустела на зубах,
Взрывной волной хлестала в уши,
Как искры, сыпалась из глаз,
И выворачивала душу,
И тело втаптывала в грязь.

Бросает в дрожь, как вспомню Зуши
И высоту сто сорок пять,
Но заблудилась «катюша»,
И я во здравии опять.
И рад забыть, да не забудешь...
Вот и пойми, чем жив солдат.
Лежали мы тогда повсюду,
Враги и мы – за рядом ряд.

Рванули мы по льду Ловати...
Но только в сказках да в кино
Благоволит судьба солдату, –
И я, как был, нырнул на дно.
И век бы мне не просушиться,
Да, видно, мы лихой народ...
Когда нам удалось отбиться,
Мой полушубок был, как лёд.

Меня под Смулкас откопали...
Я, оклемавшись, снова встал,
А если б ноги не торчали,
И я бы без вести пропал.
Иди, греми потом костями,
Доказывай, что ты герой,
Тем патриотам с именами,
Что тёрлись за твоей спиной.

А под Столпой мы кашу ели...
И немцы были далеко,
Вдруг боком-боком Метревели...
Отпел, родимый, «Сулико».
Нас вдруг подняли по тревоге...
Его – в воронку, и ушли...
Ушли искать свою дорогу,
Свою воронку, горсть земли.

Под Насвой с Круминьшем по-братски
Мы закусили сухарём.
Но горек был наш хлеб солдатский –
И в переносном, и в прямом.
Присев на кряж, мы покурили,
Потолковали о делах.
А через час НП накрыли...
Он умер на моих руках.
Мне до сих пор тот вечер снится,
Всё вижу кровь его, глаза
И как скатилась с ресницы
Его прощальная слеза.

Я знаю, кто стрелял ей в спину...
Старушка Балодис, прости...

Меня ты встретила, как сына,
Но были шуцманы, как псы...

Мы за тебя им отомстили,
Но разве легче от того,
Что ты в безвременной могиле,
Частица сердца моего...

Да разве всё, что с нами было,
Встревожит нынешних, «глухих»...
Могилы, братские могилы
Да память мёртвых и живых.

И это всё, что нам осталось?
Боюсь: жестокая судьба
Как бы опять не посмеялась
Над вами, дамы, господа.

Глава первая

1.

Кто не любит «бабье лето»,
Золотой убор земли,
С пламенеющим рассветом,
С белым облаком вдали!

С тем родным неповторимым
Жарким трепетом ветвей,
Стороной плывущим клином
Бесприютных журавлей...

Всё так хрупко и ранимо,
И тревожно, и светло
В красоте невыразимой,
Но на сердце тяжело...

Мина плюхнулась в трясину,
Глухо чавкнув, взорвалась,
Выворачивая тину,
Перемалывая грязь.

Недолёт... А вот другая,
Залп... Уже по огневым.
И высотка, как живая,
Заходила, приседая,
И пахнул огонь и дым.

Наш опорный пункт – высоты,
Если можно так назвать
Отвоёванные ротой
Три холма среди болота
И отметку тридцать пять.

А за нами по опушкам
Вжались в кочки и в кусты
Миномёты, кухни, пушки,
Медсанбаты и штабы.

Это всё, чем мы богаты, –
Шаховские хутора.
Если верить старой карте,
Три сарая, три двора,
А теперь – пустое место,
Всё изрытое войной,
Всё истерзанное вместе
С гарью, кровью и землёй...
И болото за спиной.

Но болото не болото,
А рубеж передовой.
И дрожит от артналёта
Всё болото под тобой.

Здесь центральная дорога, –
Слишком громко, может быть,
Стёжка, проклятая богом,
В сводках ротного звучит.

Но просёлок как просёлок,
И один на наш район...
Сколько пота и мозолей,
Сколько крови стоил он...

Лес рубили, гать гатили,
Восемь суток – дождь не дождь...
Надрывались, мокли, стыли...
Немцы – шасть! – и разбомбили,
Вновь барахтаться пришлось.

И опять руби сосёнки,
И опять стели настил,
И заравнивай воронки...
Только въехала трёхтонка,
Немец снова нас накрыл.

Где капот, а где колёса,
Где солдатский провиант...
Трое наших под откосом –
Два солдата и сержант.

И опять всё через силу,
И опять за рядом ряд,
Как грибы, растут могилы
Наших стриженных солдат.

2.

Тяжело, сержант Залётов,
Как на людях ни крепись,
Но болота есть болота...
И откуда вы взялись?

Не напрасно ты вздыхаешь,
С дрожью думаешь о том,
Что солдата ожидает
В этом месиве потом,
Если только поживём.

Если... Сколько этих «если»,
Выбирай хоть наугад,
По отдельности и вместе
Все они твои, солдат:
Не уйдёшь, не разминёшься,
Не поделишься с людьми,
Не убьют, так сам загнёшься
От чахотки, чёрт возьми.

Рядовым он был в пехоте,
Под Митавой принял взвод,
Выводил сержантом роту
Из Веденинских болот.

После госпиталя снова
Колесил вокруг Холма,
Топал прямо из-под Пскова
До местечка Яхрома.

И опять попал в палату,
Отоспался в тишине,
И опять – вперёд, на запад, –
По болотной целине.

Как он горько сокрушался:
Если б воля – в Сталинград...
Но начальство есть начальство,
А солдат – всегда солдат.

Рад не рад, а «рад стараться»,
Приказали – принял взвод.
На него теперь равняться,
По нему и спрос, и счёт.

Круг очерчен без изъятия,
По уставу и расклад:
Схорони погибших братьев,
Накорми живых солдат,
Обеспечь боеприпасы
И уже само собой, –
День ли, ночь ли, по приказу
Будь готов вести их в бой,
Обживай святое место,
Раз тебе такая честь,
Взыщут тоже честь по чести,
Коль взыскующие есть.
А с солдата взятки гладки,
Исполняй себе приказ.
Где война, где беспорядки, –
Разберутся лучше нас.

У войны свои законы
И всему своя цена:
Если принял оборону,
Отвечай за всё сполна.
Ну а жизнь – она повсюду,
И не хочешь, да живёшь.
Так ли, нет ли, а отсюда
Дальше кухни не уйдёшь.

3.

Ночь как ночь... То вдруг ракета,
То ударит пулемёт,
То левей, за лесом где-то,
Вспышка в небе полыхнёт,
То поднимется такое –
Всполошится всё кругом.
Ночью всё в другом настрое
И куда страшней, чем днём.

И начнём палить все сразу
С той и с этой стороны,
То опять, как по заказу,
Вдруг война – и нет войны.

Тихо. Все угомонились.
Мелкий дождь заморосил.
А в траншее, как в могиле,
Воздух спёрт, тяжёл и стыл.

Пахнет сыростью болотной,
Стынут ноги в сапогах.
Душно, муторно и знобко,
Тьма да зайчики в глазах...

***

На посту всегда тревожно.
Шаг вперёд и шаг назад –
И маячишь осторожно,
Крепко стиснув автомат.

Мы одни среди болота,
Взвод от взвода – за версту,
Вот и стынешь до ломоты,
Мрачно смотришь в темноту.

То прижмёшься к пулемёту,
То к фашине припадёшь,
То почудится в болоте
Чей-то шорох и – замрешь...

Распорола мрак ракета...
Настороженно глядишь,
Как в колючке треплет ветер
Миной вырванный камыш.

Вот как будто тень мелькнула,
И глядишь во все глаза...
Ветерок... Дымком пахнуло,
Закачалась рогоза,
Будто вздрогнула осока,
Кто-то юркнул в камыши...
Бесприютно. Одиноко.
Ночь. Темно. И ни души.

4.

Ротный – ротные заботы,
Взводный – тоже о своём.
– Пополнение, значит...
– Что ты...
Попроси, брат, о другом.

Наш комбат на совещанье
Заикнулся, говорят,
А ему, как в назиданье, –
Береги, браток, солдат.
Бережём. Вон, видишь, – «рама».
Как их тут убережешь:
Не насадка, всех в карманы,
Как НЗ, не рассуешь.

Вот сидят они и курят
На бревне под высотой,
Чуть посвистывают пули
Высоко над головой,
Слева слышатся разрывы,
Чуть правее лес горит,
А над Знаменским массивом
«Рама» пятый день висит
Как паук на паутине,
Слышно: Наволочь бомбят.
Вот и к нам летит «гостинец»...
Рядом грохнулся снаряд.

– Видишь? – лейтенант Орешин. –
«Бережём», – и зло съязвил. –
Не забыл и нас утешил... –
И окурок придавил. –
Как там наши – не справлялся?
– Кныш и Ванин будут жить,
А Сурков отвоевался,
Но... силач, и может быть...
– Да, один снаряд. Негоже...
– Что поделаешь?
Молчим...
– Думай...
– Думаю...
– Я тоже...
По второй уже дымим.
– Жаль, – вздохнул, – какие хлопцы...
Помнишь Локню? А Жары?

Память в сердце остаётся;
Дремлет только до поры.

И опять молчим, хоть знаем,
Что молчать ещё трудней.

– Что врачи?
Опять вздыхаем
И чадим ещё сильней.

– Много крови потеряли,
Чуть нашли, пока снесли...

И надолго замолчали,
В думы горькие ушли.

Кто здесь может поручиться,
Предсказать иль угадать,
Что, когда и с кем случится?
Лучше всё-таки не знать.

И задумался Залётов:
– Трое... Гордость нашей роты...
Так по-глупому и смерть.
А по-умному? Кто знает,
Как по-умному бывает,
Коль придётся умереть?..
– Хватит мучиться, дружище:
Наших бед не расхлебать.
Будет день – и будет пища,
Будем жить и умирать, –
Тяжело вздохнул Орешин, –
От беды добра не ждут.
Не робей: тылы прочешут,
Хоть придурков, да пришлют.

И опять воспоминанья...
И куда от них уйдёшь,
Если брошенных в закланье
От себя не оторвёшь...

5.

Это было под Жарами...
Пробрались мы в те Жары
С тыла, попросту задами,
Затаились до поры,
Ждём... Тройчатка... Мы – ракету...
И пошла писать война.
Взяли мы деревню эту,
Закрепились, а к рассвету
К нам добрался старшина...
Харч, патроны и гранаты –
Наш паёк на новый бой.

С ним какой-то друг-приятель
Из газеты фронтовой.

Нас они не обходили,
То один, а то другой
Нам румяна наводили
Патетической строкой.
– И о чём писать – не знаю.
Дали очерк на «подвал»,
Пятый день в частях болтаюсь –
Всё не тот материал:
Взводный, ротный, батальонный,
Батарейцы, повара...
В этом царстве полусонном
Нынче то же, что вчера:
Спят иль бодрствуют... И это
Называется войной,
Вместе с этой вот ракетой,
Что повисла надо мной?

Новичкам мы всё прощали.
Посмеёмся от души,
Вспоминали, сочиняли,
Представляли – и пиши...

– Ничего не понимаю...
И войны-то вроде нет,
Так... друг друга попугают
И опять «бычки» стреляют, –
Засмеялся оппонент,
Вспомнив, как солдат Веденин
Потрошил его кiset.
«Козью ножку», как полено,
Смастерил – и пачки нет.
Но всяк страждущий да ищет.
Благо случай...
– А скажи,
Думал ты о чём, дружище,
Когда этого душил?..

Он кивнул на труп фашиста,
Что валялся в трёх шагах,

Толстомордый и плечистый,
Весь в медалях и крестах.
А солдат усталый, грязный,
Весь в запёкшейся крови,
Что-то вымолвил несвязно,
Видно, суть не уловил.
Не хотел об этом, мёртвом,
Говорить и думать он.
Но писатель, дока тёртый,
На подсказки был силён.
– Чай, о Родине... – вздохнул он.
Так хотелось ему,
Чтоб солдат на клюкву клюнул,
Раз подсказка по уму.

– Нет, когда мне было думать?
Он душил, и я душил, –
И насупился угрюмо, –
Жил бы, гад, а вот – убил...
– Может, мать перед глазами?
– Нет, когда он сгрёб меня,
Всё в глазах пошло кругами...
Не до дум: иль он, иль я...
Душит... Чувствую – слабею.
Улучил какой-то миг,
Изловчился – цап за шею...
Да зубами... за кадык...
Хруст и кровь. Обмяк, ворюга.
Так что думай или нет,
А вцепилися друг в друга –
Тут одно: иль жизнь, иль смерть.

Удивляется писатель,
Доставая свой кисет,
Тут и «козья ножка» кстати,
Как приварок на обед.
– Как по Тёркину, ей-богу...
– Уж не знаю, что и как, –
Знаю, что ещё б немного,
Сам лежал бы я вот так.
Вишь – окоп, не разберёшься,
Кто там мёртвый, кто живой,

Лишь поближе подобрёшься.
А столкнулся – немец? – твой.
Тут уж Тёркин иль Лопатин,
То ль Василий, то ль Иван:
Кто скорей за глотку схватит,
Кто ловчее, тот и пан...
Уж не помню, как поднялся,
Помню только – весь дрожал.
Немец тоже отбрыкался
И в окопе затихал.
И сейчас меня колотит,
Тошно, будто сам не свой.

И солдат глаза отводит
И качает головой...
– Надо было.
– Да, брат, надо, –
В разговор вступил сержант.
Уложили много гадов.
Жаль, не дожил лейтенант.

Все притихли, замолчали,
А за траверзом в кустах
Трое наших умирали
У девчушек на руках...

6.

Неуютно в «нашем доме»,
Как предел мечты солдат –
Раздобыть бы где соломы
Да поспать, как люди спят,
Обсушиться, отогреться
И, чего греха таить,
Возле любящего сердца...
Помечтаешь – легче жить
И теплей в сырой землянке...
Снял Залётов сапоги,
Размотал свои портянки
С забинтованной ноги
И поморщился от боли.
Раны старые опять

Не дают ему покоя:
Ноют, чешутся, зудят.

– Всё болят?
– Да хвастать нечем.
– В медсанбат бы...
– Так пройдет,
От контузии не лечат,
А до свадьбы заживёт.
А Залётов улыбнулся:
– Свадьба... Экое придёт.
Кто в надеждах обманулся,
Ничего уже не ждёт.
Писем нет уже полгода,
«Жди меня» – легко сказать.
Ведь в семье не без уroda:
На судьбу грешно роптать.

А Синицын рассмеялся.
– Да, брат, свадьба... – и вздохнул,
И сигарку толще пальца,
Облизав края, свернул.

У печурки душно, жарко,
Сел поближе к огоньку,
Взял огарок и сигаркой
Приложился к угольку,
С наслажденьем затаился
И, пуская в дверцу дым,
Тоже грустно улыбнулся
Тем же горестям своим.
– Далеко моя сторонка...
Как-то там старушка-мать?
С кем теперь моя девчонка
Ходит клюкву собирать?
Что гадать: журавль, синица?
В небе тоже свет не мил.
Наша свадьба, как жар-птица,
Пожалел и упустил.
Смерть кругом, в обнимку ходим.
И смешной же мы народ:
Огороды всё городим

Сразу на сто лет вперёд,
А что будет завтра с нами –
Как-то в голову нейдёт.
Замолчал и будто замер...
– С финской – вот уж пятый год.
Был бы сын, а может, дочка
Иль вдова и сирота...
Нет, Залётыч, с этим точка...

– Эх, святая простота.
Если б отпуск на недельку,
Я бы с ходу и в мужья,
Пусть качала б колыбельку,
Пусть бы даже без меня
Вырос мой Иван Иванов
Иль Егор Егорыч твой...
Вдруг убьют сегодня в полночь –
Кто продолжит нас с тобой?..
Спи, а я посты проверю.

***

Только вышел – волчий вой.
Странно: чуют что-то звери...
И почувствовал спиной
Страх, невольно оглянулся,
Вспомнил: прошлую зимой
Так вот раненый столкнулся
С волчьей стаей под Столпой.
Хорошо – была винтовка...
С той поры, заслышав вой,
Брал всегда на изготовку
Всё, что было под рукой.
А глаза-то как горели...
Безоружный бы – и всё
(И озноб пополз по телу) –
Растерзало бы зверьё.

А как воют-то каналы...
Нет, не воют, а поют:
То тоскливою печалью
Прямо за сердце берут,

То вдруг с вызовом бряцают
Сталью слаженных басов,
То вдруг медью рассыпают
Многозвучье голосов.

Слушал он и удивлялся...
Но без ведомых причин
Хор внезапно разбежался
И пропал в лесной ночи.

– Эх, судьба наша судьбина, –
Даже волк и то не тот:
Наглотался мертвечины,
А теперь живых пасёт.

Стало тихо, но тревожно,
Полусумеречный свет,
Но какая-то нервозность –
Тихо, а покоя нет.
На востоке чуть светлеет,
На болота лёг туман
И пополз во мрак траншеи,
Расходясь по сторонам.
Обнажились макушки,
Снизу роща, как в дыму.
И ни взрыва и ни вспышки,
Но тревожно. Почему?
Он хотел пустить ракету,
Но противилась душа
Эту девственность рассвета
Произвольно нарушать.
Он не верил предрассудкам,
Но под ложечкой сосёт:
Вот уже вторые сутки
Он чего-то смутно ждёт.
И звонки по телефону –
То дежурный, то комбат,
Ротный тоже возбуждённый, –
Все волнуются, не спят.

Прошлой ночью взяли «фона»,
А в отместку – артналёт,

С час трещала оборона,
А теперь и их черёд:
Приползут иль грянут «с боем»?
И задумался сержант,
Возбуждённый волчьим воем
И судьбой своих солдат.

А восток уже алеет,
Ветер гонит листопад,
Над туманом из траншеи
Только головы торчат.
Зябко ёжатся солдаты.
Предраассветная пора
Всякой пакостью чревата,
И тревожно ждать утра.

***

Обошёл посты Залётов,
Позвонил и доложил.
Спят Синицын, Вдовин, Зотов,
Прикорнуть и он решил.
Лёг, закрыл глаза – не спится,
Стал считать – не помогло,
И предчувствие, как птица,
Зябко встало на крыло.
– Не к добру, – успел подумать...
Только выскочили вон –
А землянку словно сдуло...
Щепки, брёвна, дым, огонь.
Всё тряслось, метались взрывы,
Бушевал по гребню шквал...
Прибежал и ротный.
– Живы?
А связного – наповал.
Я предчувствовал: икалось
И знобило... Вот ведь как...
Мина рядом разорвалась,
Я – к нему, а он – обмяк.

***

...Полурота или рота –
В полутьме не разобрать.
Вот бегут через болото...
Ближе, ближе...
– Не стрелять!
Лейтенант припал к траншее.
– Вдовин, Старостин – ко мне.
Мы прижались поплотнее
К обвалившейся стене.
Вот видны уж каски, лица,
Поднимаются на склон...
– Отсекай, Залётов, фрицев!
И скомандовал: – Огонь!
Заревели пулемёты.
Страшен шквал огня в упор.
Заметалась пехота,
Но куда бежать – забор
(Деревянная траншея,
Где пехота залегла),
Но вторая батарея
В щепки жерди разнесла.

Лейтенант метнул гранату...
– Вдовин! Старостин! За мной!
Вот он, гад, сюда, ребята!...
Крики. Брань. И дикий вой!

Здоровенный, пучеглазый...
Ну и было с ним хлопот,
Но язык как по заказу –
Еле втиснули в окоп.

А под вечер у завала,
Где снаряды срыли гать,
Мы связного откопали
С тем, чтоб снова закопать.

7.

– Командира к телефону...
Вызов. Знаем: не на бал.

Доложили кто мы, что мы,
Будто нас никто не знал.
Пригласили к карте-сотке.
– Ну, что скажете?..
Молчим,
На злосчастную высотку
Настороженно глядим.

Этот взгорочек покатый,
Весь заросший сосняком,
Между двух болот зажатый,
Нам с весны ещё знаком.
Сколько раз уже пытались,
Но откатывались вновь,
Скольких мы недосчитались...
Но закон войны суров.
Приказали:
– Взять! – и баста...
Не сказали только: как...
А ещё спросили:
– Ясно? –
Кулаком по карте – шмяк!

Этот, новенький, однако
Крут и, видно, без затей.
Только как идти в атаку? –
Ни снарядов, ни людей.
Но с начальством не поспоришь,
Лихо мыслит, зло вельми.
Хмыкнул:
– Тоже мне – герои!
Засиделись, чёрт возьми!

– Воевать-то мы не против,
Но зачем же на рожон
Под огонь бросать пехоту
Ради ордена, погон... –

Ротный сунулся с вопросом.
– Трусишь? – гаркнули в ответ. –
Огонька – не хнычь! – подбросим.
А «штыков» – не клянчи! – нет.

Всё! И коротко и ясно.
В ночь – разведка, завтра – бой.
Жали больше на согласных
Те, кто на ухо тугой.

– Так-то вот. Ну что стоите,
Али время не в обрез?
– Разрешите?
– Да, идите!
В струнку вытянулись:
– Есть!

Дисциплина? И отлично,
Как на фронте без неё.
Скажут нынешние: личность.
Что же, каждому своё...

8.

Говорят не ради фразы:
На войне, как на войне,
Не тебе писать приказы,
А высоты брать тебе.
На бумаге всё красиво:
Стрелы, линии, кружки,

Всё расписано на диво –
Вот он, враг, бери в штыки,
Навались и дальше топай
По крутой стреле вперёд...

А как глянешь из окопа:
Видит око – зуб неймёт.
Ров, вода, как стылый дёготь,
Дальше – минные поля
И колючка вдоль окопов
В два кола и в три кола.
А на скате и урезе
Безымянного ручья
Столько всякого железа,
Столько всякого «огня»,
Что присмотришься – и страшно.
Но страшись иль не страшись,

А земля-то эта – наша,
И судьба, и наша жизнь.
Не по карте – по болоту,
И не с палками – с людьми
В лоб идти на пулемёты.
А солдат-то в каждой роте
Кот наплакал, чёрт возьми.

***

И задумались над картой
Этой гиблой стороны
Лейтенанты да сержанты,
Безответные войны.

Им вести солдат в атаку,
Неотлучно быть в строю
И бросать, вздохнув, под траки
Жизнь короткую свою.
И под грохот канонады,
Под осколки бомб и мин
Им идти с солдатом рядом,
На колючку мёртвым падать,
Чтобы дать пройти живым.
Им тонуть на переправах,
На плацдармах землю грызть,
Им дано святое право
На бессмертие и жизнь.

9.

Ночь тревожная, глухая,
Не туман, не дождь, не снег –
Морось стылая, гнилая
Обволакивает всех.

Непонятная тревога
И гнетущая тоска,
Как пред дальнею дорогой,
Бьёт озноб, дрожит рука,
И чинарь пошёл по кругу,
Обжигаясь, мы дышим

И – прости! – как бы друг другу
Молча взглядом говорим.

Соловьёв, Ткачук, Синицын...
Эх, обнять бы вас, друзья,
Но разведчикам журиться
Раньше времени нельзя.

А предчувствие тревожно
Здесь, под ложечкой, сосёт.
Ведь не скажешь: осторожней.
Каждый знал, на что идёт.

Вот опять взвилась ракета,
Пулемёт всхрапнул и стих,
Лишь полоска мёртвым светом
Разделяет нас и их.

Потянул туман с болота.
Лейтенант сказал:
– Пора...
Первым вылез из окопа.
Ну, ни пуха, ни пера...

10.

Наш комбат майор Шумилов
Тяжело поднял глаза.
Ох, не просто это было
Просто взять да приказать.

Вроде скор ты на решенья,
В бой не раз водил людей,
Но, как червь, грызёт сомнение:
Столько разных предложений,
Но которое верней...

Снова в памяти жестокой
То бои под Лозовой,
То на Знаменских высотах,
То в болотах под Столпой,
То тяжёлый, горемычный
Путь от Ровно до Займищ...

За приказом как обычно
Чья-то кровь и чья-то жизнь.
Ошибёшься – не поправишь.
Если б всё предусмотреть...

Командир имеет право
Посылать людей на смерть
И не спрашивать солдата,
Где ему стоять и быть...
Но какой придётся платой
Это право оплатить...

Что же ты себя терзаешь?
Отдавай приказ – война.
А кому судьба какая –
Знает Бог да Сатана...

***

– Значит так, – сказал Шумилов, –
Немцы нас не ждут... в обед.
Мы подумали, решили:
Лучше времени и нет.
Налегке, без арсналёта,
С флангов в полдень и рванём...
И задумалась пехота,
Но решаем все: рискнём.

***

Эта ночь была тревожной:
И ракеты, и пальба.
Немцы ждали нас, возможно,
Но стрельбой неосторожной
Обнаружили себя.
Засекли мы точки эти,
Сняли мины под шумок,
Приготовились с рассветом,
Прикорнули на часок...
Утро выдалось дождливым,
Обложило всё кругом.
Догонять да ждать – тоскливо,

Как и мокнуть под дождём.
Вот ведь не было напасти.
Но, бывало, старики
Говорили: дождик к счастью,
Лёгкок путь и всё с руки.

Немцы нас не ожидали,
По землянкам разбрелись,
Часовые продремали
Или кашей увлеклись,
Иль промозглая погода
Их закутала в плащи...
Мы рванулися в проходы,
Яко дьяволы в нощи.

Немцы всякое видали,
Но чтоб так, средь бела дня, –
Даже в мыслях не держали,
Растерялись, побежали,
Заметались от огня.
Мы гранаты – в трубы, в двери.
Командир кричит:
– Вперёд!
Мы за ним – через траншеи...
Вдруг ударил пулемёт,
Залегли, в окоп скатились.
Кто-то сзади закричал:
– Гады ротного убили!..
Подползаем – наповал...

***

...Все имеют это право,
Но не каждому дано
Заменить в бою кровавом
Командира своего.
Что тут, кажется, такого:
Встал с земли и гаркнул:
– Взвод!
И метнул стальное слово
Под огнём врага:
– Вперёд!

Кто решится на такое?
Кто скорей других поймёт,
Что судьба людей и боя
В этом слове, в этой воле,
В этом мужестве:
– Вперёд!..

...И тогда сержант Залётов
Встал, взмахнул рукой:
– За мной!..
Поднялась родная рота.
Кто тут мёртвый, кто живой –
Овладели высотой.

Вот и связь...

Комбат Шумилов

Срочно требует «Оку»...
– Ранен?
– Пуля зацепила.
– Можешь двигаться?
– Могу.
– Продержись ещё немного,
Продержись, сынок, прошу.
Подойдёт сейчас подмога,
«Полковушку» подошлю.
Закрепляйся...
Будто кто-то
Землю выбил из-под ног,
И упал, поплыл Залётов,
А куда – понять не мог.
Всё. Убит... Но он очнулся.
– Слава богу, у своих...
Встать хотел, но пошатнулся,
Рухнул снова и затих...

***

Трое суток не смолкая
Всё здесь рушилось, рвалось:
Высота-то ключевая
И торчит, как в горле кость.

Были трудные минуты,
Немец понял и остыл,
Две высотки почему-то
Нам без боя уступил.

Да, меняются с годами
Представленья о войне,
Фриц не тот уж перед нами,
Да и мы уже не те.

11.

Нынче стало слишком модно
Бить во все колокола:
Умереть, де, благородно –
Мать-Отчизна позвала.

Говорят об этом важно,
Как о подвиге святом,
Горы ереси бумажной
Наворочали о том.

И звучит патриотично,
Будто в самом деле смерть,
Как пасхальное яичко, –
Просто любо посмотреть.

Позови её «во имя»...
Но Отчизна-мать, как мать,
Хочет видеть нас живыми,
Чтоб обнять и приласкать.

А народ – и мы, солдаты,
Сыновья, отцы, мужья,
И для нас светла и свята
Наша горькая земля.

И с каким бы упоеньем
Ни нашёптывали мне,
Но плохое утешенье, –
На войне как на войне.

Люди просто умирают,
Смерть у каждого своя.
Кто же этого не знает:
На войне без жертв нельзя.

Говорить легко, но если –
Да! – быть жертвой самому!
Может, многие воскресли б, –
Те, что пали за войну?

Может, многих бед народных
Мы могли бы избежать?
На чужой-то счёт удобно
Благородно умирать.

Всё приемлю как солдатство,
Но ведь жертва жертве рознь,
А великий подвиг братства
До трагического прост.

***

Смерть... Но кто о ней, проклятой,
Говорит, когда она
Волочится за солдатом,
Как постылая жена.

И не любя, да голуба,
Как в народе говорят,
Приголубит – врежешь дуба,
Не попятишься назад.

Все мы здесь пред нею вровень:
И солдат, и генерал,
И никто не застрахован,
Если горький час настал.

И недаром говорится:
На миру и смерть красна...

А к тебе, сержант, Синицын,
К одному пришла она,

Злобно лязгнула затвором...
– Поднимайся, рус Иван!..
А Ивана звать Егором,
И лежит он в осокоре
Умирающим от ран.

Немцы сгрудились, хохочут.
И пинки – то в бок, то в пах,
Отличиться каждый хочет,
Благо раненый в руках.

Никого... Один остался.
Чуть в сознание пришёл
И не то, чтоб испугался, –
Понял: всё – отвоевался,
Красным дня черту подвёл...

Ноги пулями прошиты,
Всё плечо и грудь в крови.
С жизнью квиты иль не квиты –
Мать-земля, благослови...

Велика ли и утрата,
Что не так, пусть будет так...

Вырвал он чеку гранаты
И – прощай! – разжал кулак.

12.

В блиндаже, куда зашли мы,
Пахло кровью, табаком,
Тем особым, нестерпимым,
Одуряющим теплом,
Кисловато-душным потом,
Перегаром и вином...

Будто выругался кто-то...
Пригляделись... Под столом,
На полу, – живой и мёртвый
Без ушей, без глаз, без рук,
На шинели распростёртый
Умирал Вадим Ткачук.

Не просил солдат пощады,
Бился, корчился, стонал...
– Пристрелите лучше, гады!
И зубами скрежетал.

Боже, что мы пережили...
А по тропке вдоль траншей
Наши пленных уводили
В тыл, живых вели, зверей..

Офицер тащился сзади
Без фуражки, без ремня.
А в ушах: «Добейте, гады!» –
Добивало и меня.

А в глазах: в рубашке белой,
Видно, мёртвым взят потом –
Обезглавленное тело
Лейтенанта под кустом...

13.

...Роем братскую могилу.
Чуть копнул – уже вода,
И сырой болотной гнилью
Стыло пахнет от пласта.

Не в гробах и не в обновах, –
Нам бы их не напастись...
Нет, не мёртвого – живого
В пот и в дрожь бросает снова,
Только глянешь сверху вниз.

Мёртвый – он великодушен,
Сделал всё, что мог в бою...
Зубы сжал, а слёзы душат
Душу грешную мою.

А услужливая память,
И не звал, а тут как тут,
Шепчет ссохшими губами:
– Не почти беду за труд.

Было трудно, было страшно
Под бомбёжкой, под огнём,
Бились рядом в рукопашном
Под Демянском, под Холмом;
Сколько вёрст мы отмахали,
Сколько с марша прямо в бой,
Вместе ели, пили, спали
На дороге фронтовой...

Что ещё мы можем сделать?
Лапник, что ли, подостлать?
Положили тело к телу,
И... прощай, Отчизна-мать.

Вот и холмик – дом и крыша.
Залп... И плачем, и палим...
Что слова? Они не слышат.
Говорят слова живым...

Глава вторая

1.

На войне всего в излишке,
Не по чину даже честь,
Есть и люди, и людишки,
Подлецы и шкуры есть.

А иные самодуры
Распоясывались так –
Опиши его с натуры,
Понавешают собак.

Вроде, что возьмёшь с солдата,
Жизнь и та уж не его, –
Кроме брани, кроме мата,
Не услышишь ничего.

Но пусть будет слово к слову.
Письмецо пришло вчера,
Дядю Прохора Бурдова
Отходили доктора.

Пишет: в Горьком залежался,
Искалечен, но живой,
Дальше как решит начальство –
Рад бы в строй – не строевой.

И приветы, и поклоны
Всем, кто жив иль был живой,
Всем по-братски, поимённо
И с отцовской добротой.

И невольно сердце сжалось:
От былых взводов и рот
Только кладбища остались
У дорог среди болот.

А теперь и дядя Прохор...
Как ни горько, всё равно
Кто ты, что ты, спишут чохом,
Может, с нами заодно.

Вот бы всем такое счастье –
Дядю Прохора иметь
И ворчливое участие
По-мальчишески терпеть.
Под его крылом мужая,
И в борьбе с самим собой
Мы входили и вживались
В грозный мир передовой.

Не скажу: всё было гладко,
Жизнь окопная не мёд,
И росли мы не на грядках –
В пекле боя, в тьме болот,
Где порой казалась страшной
Нам, мальчишечкам вчерашним,
Неокрепшим, бесшабашным
И таким ещё домашним, –
Нет, не смерть, а эта жизнь,
Эта грязь, болота эти
И в промозглом беспросвете
«Шире шаг» да «подтянись».

2.

Я не думал о поэме,
Как не думал и о том,
По плечу ли эта тема
И что будет с ней потом.

Вдруг...

– Мы все под Богом ходим.
Ты пиши, пиши, сынок.
Что теряем, что находим, –
Говорят: никто, как Бог.

Так вот добрый дядя Прохор
Нас, зелёных, наставлял.
Я вздыхал, он тяжело охал
И мучительно стонал.
Мы его на волокушу
Положили и – вперёд! –
Из «болотины» на сушу,
А уж там – что Бог пошлёт...

3.

Шли мы маршем на Стожары
И, как вехи, на пути
Пепелища да пожары,
И воронки, и завалы –
Ни проехать, ни пройти.

Чуть свернул с дороги – мины.
У сожжённого моста
И телеги, и машины,
Кухня, пушка без щита, –
Видно, срезало снарядам,
И торчит она в грязи.
«Опелёк» сгоревший рядом
С искорёженным шасси.

Шли мы в паре: Прохор сзади...
– Шире шаг! Не отставать! –
Что же делать, если надо,
Значит, надо поспешать.

Было пасмурно и стыло,
Мы всё шли, и шли, и шли,
И не просто щётку, мыло
В рюкзаках, как раньше было –
На себе войну несли,
Весь запас её и справу,
От иголки до меню,
Всё по штату, по уставу, –
Жизнь свою и смерть свою.

– И куда нас только гонят? –
Вот как скажут: разойдись...
Но надежды наши тонут
В грозном слове: – Подтянись!
Грязь и грязь – не разминуться.
Только сделали привал, –
И откуда? – бомбы рвутся,
Двое наших – наповал.
Так их... рядышком... в воронку.
И опять: вперёд, солдат!
А навстречу и вдогонку
Бомбы – сотки, полутонки –
Нам на голову летят.

Где вы, соколы вы наши?
Знать, сладка у вас постель?
Обнаружил полк на марше –
Не отвяжется теперь.

Отлежались, слава богу,
Обошлось сейчас без жертв.
– Ничего страшней дороги, –
Повздыхал Румянцев, – нет.

Хорошо, коль кухня рядом
И идёшь в строю среди,
Задремал, – идёшь, как надо,
А споткнулся – впереди
Ткнёшься в чью-то спину носом,
И давай себе шагай,
И крути свои колёса,
Матюгнулся – извиняй,

А дадут под зад – не сетуй,
Значит, больно надоел,
И тяни свою карету,
Помни: есть всему предел.
Занемели руки, ноги,
Вот, казалось, шаг шагну,
Только шаг – и на дорогу
Грохнусь, ноги протяну.

Проход вышел на полшага,
Взял ружьё наперевес,
Улыбнулся, сунул флягу, –
Я глотнул и вдруг воскрес
От участия иль от счастья, –
Разделил беду на части,
А себе взял больший вес.

4.

Эх, вы, ноги, наши ноги,
В мокрых, грязных сапогах,
Наши нехристи и боги,
Все в мозолях и рубцах,

Вам бы гимны петь, родные,
Безотказные в пути
И без ходу ходовые,
Если долг велит идти.

Свалит сон, а ноги сами
Тело грешное несут
И тяжёлыми шагами
По войне войной идут.

Ранят... Разум помутится.
Эх, шальная голова...
Вам, усталым, не лежится.
И трава вам не трава,
И палата не палата,
Вроде в холе и тепле,
И несёте вы солдата
По истерзанной земле

То бегом, то «дать сто сорок»,
То ползком, то с ходу вплавь –
Иль Великая, иль Сороть,
А пльиви, греби и правь.

А болота... Да, болота...
Отогреть бы вас хоть раз.
То болячки, то ломота,
И опять из грязи в грязь.

А убьют... Но как ни труден,
Шаг, последний шаг вперёд...
А потом уж будь что будет,
Что должно, пускай придёт.

И друзья тебя за ноги
Приподнимут и... Прощай!
Закопают у дороги,
Что ведёт из ада в рай.

Вот уж там и отдохнёте...
Но, мне кажется, и там
Вы покоя не найдёте,
Ковыляя по садам.

Так спасибо вам, родные,
Что несёте вы мой крест, –
За грехи мои земные
И пою вам благовест.

***

Но пока беда-злодейка
Нас обходит стороной...
Перешли узкоколейку,
Вышли к базе торфяной,
Повернули на Стожары...
Горизонт в дыму, в огне,
Слышны тяжкие удары
Впереди и в стороне.

Или наши наступают,
Или немец когти рвёт.
Что мы знаем?

Мы шагаем...

Скажут, если припечёт.

Всё слышнее канонада,
Ближе всполохи...

Горит

Деревенька. За оградой
На кладбище смрад стоит.

Смотрим: трупы... Наши, наши...
Расстреляли гады их...
А прибавь мы шаг на марше –
И застали бы живых.

Мы невольно присмирели,
Горько чувствуя вину,
Вроде ног и не жалели...
Вот и сетуй на войну.

5.

Первый бой...

Пусть будет пятый

И десятый, а потом
Позабудут счёт солдаты
Сколько были под огнём.
Первый памятен до гроба,
Не такой, как все, – особый,
Самый страшный, может быть,
И у каждого солдата
Есть своя святая дата,
И её нельзя забыть.

Первый бой в лесу, за речкой,
Бой, как мне казалось, вечный.
Немцы сбросили десант
И хватили из засад.

Был запал, да скоро вышел,
Подпусти они нас ближе,
«Клок волос не пожалей» –
Не собрать бы нам костей.

Но в бою солдат бывалый
Стóит роты... Подмывало
Драпануть скорей в кусты,
Лишь бы ноги унести.

Глядь-поглядь, а Прохор рядом.
Где застало, тут и падай,
Вспомнил, этому учён...
Что же будет делать он?

– Сбрось мешок, возьми гранаты
И давай за мной по скату
Вон туда, за бугорок.
За меня держись, сынок.

Поползли по-за кустами,
Глядь – а немцы перед нами,
Вот, совсем рукой подать.
Прохор шепчет: – Не стрелять...

Затаились, ждём сигнала.
С кем такого не бывало:
За кустом в траве лежу,
Взмок – с чего бы? – и дрожу.
Вот один до нас шагает,
У того куста как раз,
Надо же, нужду справляет,
Сволочь! – чуть ли не на нас.

Все мы brave ребята,
Коль над нами «не течёт»,
Тут же – сжал в руке гранату
И лежу ни жив, ни мёртв.

А лицо и шея – в «мыле»,
Пот, какой-то липкий пот...
Прохор шепчет:

– Страшно было?

– Очень страшно...

Руку жмёт.

– Не робей, сынок, пройдёт...

И... Ракета!

Наши встали,
Молча бросились вперёд.
Немец, этот наш очкарик,
Видим, лёг за пулемёт.

– Ну! – и Прохор размахнулся...

И... гранаты...

А потом,
Будто свет перевернулся,
Всё ходило ходуном.

Я бежал, орал, как пьяный,
Автомат дрожал в руках,
Вдруг упал, подумал: ранен...
Кровь и зайчики в глазах...

– Пуля? Тело молодое, –
Прохор вскрыл пакет. – Терпи.
Ранку мы сейчас прикроем.
А держался ты героем...
Мутит? На-тка подкрепись, –
Сунул мне сухарь. – Я тоже,
Помню, первый раз дрожал.
А осколок всё тревожит,
Под вторым ребром застрял...

6.

На Рубцовской переправе
Среди бела дня, глядим, –
Прилетел «понюхать славы»
Не ахти какой, но чин.

Портупея, и фуражка,
И планшетка, и бинокль,
И блестит на солнце пряжка,
Как солдатский котелок.

Проخور выругался хлѣтко:
– Ишь ты, Вася-василѣк...
Балуется папироской,
Зажигалкой щѣлк да щѣлк...

Немцы тоже не стреляли,
Видно, тоже рот раскрыв,
Удивлялись и гадали –
Что за странный детектив.

Поглядел: торчим в окопе,
Вот, де, трусы, вам пример.
Если б воля, на высоты
Он погнал бы нас в карьер.

– Эка невидаль – «сиденье»
На плацдарме, – говорит,
Пыль стряхает с оперенья,
А осанка, голос, вид...
И бинокль к глазам:
– Прекрасно...

Трупы, каски, кровь и грязь...
Гаркнул:
– Кормят вас напрасно!
Мы в ответ, конечно, ясно,
Что напрасно кормят нас.

Что нам делать остаѣтся,
Ведь солдат – всегда солдат.
– Почему, – и голос жжѣтся, –
Тот рубеж ещѣ не взят?

Норовит ужалить фразой
И не в бровь, а прямо в глаз.
Вдруг, как будто по заказу,
Контратака, – в третий раз.

Полчаса, а будто вечность,
Лупят пушки. Дым и гарь.
Не резон и нам, конечно,
Лезть напрасно под удар.

Танки... Вздогнула пехота.
Подсчитали: снова – шесть.
Покатилась по окопам
Эта тягостная весть.

Хорошо: не пожалели
Пота, отдыха и сна
И сидим теперь в траншее,
И война не так страшна.

– Что ж, ребята, – молвит Прохор, –
ПТР – на сошники.
Подавай патрон, Алёха...
Будто звал на шашлыки:
Просто, буднично, спокойно...
– И силён же ты, отец.
– Умереть умеи достойно,
Если видишь, что конец.

– Посмотрите, посмотрите! –
Кто-то сзади закричал.
Смотрим: это наш «воитель»
На бегу подмётки рвал.

– Наш... Смотрите, как несётся.
Вот тебе и «тот рубеж».
Вот и взял бы – не даётся...
Наша каша шибко жжётся,
И хотел бы – не поешь.
– Пристрелить бы паникёра, –
Прохор вскинул автомат.
Взрыв, ещё... И нет позёра.
Вот и весь его расклад...

Трус всегда найдёт могилу
Раньше; горше и страшней.

Мы и в этот раз отбились,
Потому что были злей.

Глава третья

1.

Есть чарующее что-то
В неприютности земной.
Кто вас выдумал, болота,
С вашей грозной красотой?

Будто здесь сошёлся клином
Распластавшийся по мхам
Леденящий мрак трясины
С рыжей тиной по краям.

В серой дымке кочка к кочке
В хляби стылой и густой
Разбегаются цепочкой
Над водой и под водой.

А в узорах и разводах
Отражённые слились
Серый сумрак небосвода,
Свет и тени, ширь и высь.

И болотное раздолье
Как нелёгкий дар судьбы
Вместе с кровью, вместе с болью
И с предчувствием беды...

***

Где ты, друг ты мой, Залётов?
Если жив, то отзовись,
Ведь в Веденинских болотах
Наши стёжки разошлись.

Труден путь до медсанбата
По урочищам лесным.
Говорили мне ребята,
Что доставили живым.

А уж там – как Бог поможет,
Как в народе говорят,
Снова встретимся, быть может,
Дорогой ты мой сержант...

2.

Вызывают... В грязь-то снова...
Но не спросишь: а зачем?
У начальства что ни слово,
То приказ, и будь готовым
Выполнять и в грязь, и в темь.

– Вот – знакомьтесь. Гость. Писатель.
Забирай его к себе.
Я взмолился: – Как некстати:
Худо в нашей худобе, –
Говорю, – но если надо...
Только немец больно лют:
Не скупится на снаряды,
Чуть заметит – и салют.
– Не пугай... Ну, братцы, – с богом.
Надо засветло успеть.
Пять-то вёрст не так уж много,
Но их надо одолеть.

Одолеть! – и право слово.
Вышли, я и говорю:
– Слышал? Ничего другого
Я тебе и не сулю.
Передумаешь, быть может?
Ведь никто не попрекнёт.
Рисковать – себе дороже,
Только есть ли в том расчёт...

***

...Просто в гости к нам не ходят,
Но уж если блажь пришла,
Или прихоть, или мода
В путь-дорогу позвала,
Следуй доброму совету:

Здесь, в болотах да лесах,
Рубежа сплошного нету, –
Взяли мы высотку эту
И сидим, как на углях.
Там – болото, здесь – болото,
Всюду немцы, всюду – мы.
Где гарантия, что кто-то
Не пальнёт из-за спины.
Разберись: свои – чужие.
Страх всегда слепит глаза.
А тропинки-то лесные...
Кто тут может предсказать?
Треснет жёрдочка иль ветка,
Закачавшись, знак подаст –
Померещится разведка,
И пальнут, в недобрый час.
Надо засветло добраться,
Чтобы не подстерегли,
В три – начнёт уже смеркаться,
В шесть – темно хоть глаз коли.

***

И пошли... Болотце, речка,
Мостик – просто три слеги,
Поперёк – на шаг – дощечки
И перильце для руки.
Дальше – лес и луговина,
Снова речка, мостик, гать
И заросшая осиной
Парамоновская падь.
Слева – топь, а мы лесочком,
А за ним – большой прогал,
Здесь пристреляны все кочки,
Но спасает чернотал.
Снайпер: просто не проскочишь,
А в прицеле чуть мелькнёшь
И... Но если жить захочешь,
Ткнёшься носом – поползёшь.
Наши там, на тех высотках,
Вот и кухня, коновязь,
За высоткой – миномёты

И окопная напасть.
Здесь живём мы, здесь и пашем,
Худоба не худоба, –
География-то наша –
Тоже целая судьба.

3.

...А вот это – наша хата:
Не берлога, не нора,
А прибежище солдата
С лазом с заднего двора.

Открывай-ка плащ-палатку,
Заходи и не робей,
Доставай свою тетрадку
И записывай скорей.
Святость первых впечатлений
Потому и дорога,
Что она, как откровенье,
Неприкаянно горька.
Да, живём мы неприглядно.
Мы б отгрохали дворец,
Но вода, будь ты неладна,
Нас измучила вконец.
Расшатал фашист накаты,
Стены сдали по углам,
Грязь пузырит ноздревато,
Пробиваясь по комлям.
Плесень – пеною бугристой,
Пол как оспенный больной,
Плащ-палатка вся провисла
Пузырём над головой.
Над печуркой по землянке
На трофейных проводах
Сохнут мокрые портянки
И ботинки на шнурках.
Сапоги у печки тоже,
Пар валит из голенищ,
Да и сам ты, зябко ёжась,
Ближе к печке норовишь.
В изголовьях – автоматы,

И лопаты у стены,
В нишах – диски и гранаты,
Наш карманный бог войны.
Подгорев, чадит «катюша»,
Гильза с ватным фитилём,
Копоть лезет в нос и в уши
И висит под потолком.
А на ящичке снаряжном
Весь комплект на восемь ртов
И газеты, аккуратно
Чуть початые с краёв
Для сигарки, «козьей ножки»,
Иль другой какой нужды,
Книжка в серенькой обложке
И комплект для бороды...
Это всё моё и наше...
Может, кто-то попрекнёт,
Но варюсь я в этой каше,
Видит Бог, не первый год.

Простотой своей сердечной
Никого не удивишь:
Не поэзия, конечно,
И не проза – просто жизнь,
Да, окопная, земная,
Без прикрас, какая есть,
И другой пока не знаю
И узнаю ли, бог весть.

4.

Что я, кто я, что я значу
Здесь, в окопах, на войне?
Ох, и трудную задачу
Задаёшь ты нынче мне.

Что я?.. Капля в грозном море.
Кто я?.. Жалкий мотылёк,
Затерялся где-то в поле
И лечу на огонёк.

О себе скажу немного,
Не в привычке быть судьёй, –

Нынче жив – и слава богу,
А убьют – придёт другой,
Может, лучше, может, хуже,
Будет так же, как и я,
Копошиться в этой луже
За себя и за меня.

Должностей не выбираем,
Этот – ранен, тот – убит,
Свято место занимаем,
А надолго ли, не знаем,
Как кому уж подфартит.

Говорят, что жизнь – копейка,
Такова и наша суть.
Обойдёт беда-злодейка –
Погрешим ещё чуть-чуть.

А фортуна улыбнётся –
Из мальчишеских штанов
Прыгнешь прямо в полководцы
Батальонов и полков.

Отвернётся – боже правый –
Тут уж каждому своё,
Не обманешь, не слукавишь,
Что бы ни было – твоё.

Такова уж наша участь,
Как и кадровый вопрос.
Эко слово-то: текучесть,
А смакуется всерьёз.

Да, стороннему всё просто,
Как сказал один: зато
Есть и перспектива роста, –
Да не рад тому никто.

И утешен – не утешен,
У кого душа болит,
Рад бы в рай, да больно грешен,
Только тем и знаменит.

Так чему тут удивляться,
Чем богат, тому и рад.
И всего-то девятнадцать,
А поди ж ты – лейтенант.

Скажешь: маленькая сошка...
Здесь всему я голова
И, быть может, свет в окошке,
Коль начну качать права.

Но, бог милостив, по-братски
И по совести живём,
Честно делим хлеб солдатский –
В переносном и в прямом.

Вот и весь я в перспективе, –
Часом, днём живёт солдат.
Не до жиру – быть бы живу,
Как в окопах говорят.

5.

Что ж, присаживайся ближе,
Будешь первым гостем здесь...
– Шнапс? Коньяк?
– Ну ты, я вижу,
Отоварился, как Крез.
– Хлопцы к немцам в тыл ходили,
На начпрода набрели,
Всею «европой» угостились,
Ну и нас не обошли.

Он крутил в руках бутылку.
– В наше время это – сон.
И, приблизившись к коптилке,
Прочитал: «Наполеон».
– Да, коньяк-то наикрайший.
Вот ведь гады как живут:
Топчут наше, грабят наше,
А коньяк французский жрут.
– Закуси и будешь злее.

Сыр-то, видишь? – Амстердам.
Шоколад-то – Пиринеи,
А паштет – стокгольмский штамп.
А тушёнка, глянь-ка, – шведы.
А ребята говорят:
Там-то им пришлось отведать
И заморский суррогат.
Ну, что скажешь? Штampы, знаки.
Вот он – весь иконостас.
Получается, однако, –
Вся Европа против нас:
Кто на танках, кто с паштетом,
Не вино, так автомат.
– К сожалению, об этом
Нынче вслух не говорят.
– Да, политика, конечно,
Только нам-то оттого
Этот крест нести не легче
У окопа своего.

6.

Вот они, мои герои.
– Обобщаешь?
– Нет, взгляни.
Каждый, может, роты стоит,
Непарадны, но они.
– Орденов, конечно, мало,
Но медалей...
– Да, представь.
Орденов не перепало, –
Ты хоть в повести прославь
Этих скромных, безответных
И бесстрашных пареньков,
Что хлебнули мук несметных
В восемнадцать-то годков.
И к тому же – славы нашей
Хватит нам с тобой по гроб.
Не садится муза ваша
С нами рядышком в окоп.
Не престижно? Да, не спорю.
Честный пахарь – не герой.

Подавай вам всем героя
С генеральскою звездой...

***

Мой рассказ – лишь капля в море,
Подзадорь-ка ты ребят –
И наслушаешься вволю,
И испишешь всю тетрадь.

Вот сидит Серёжа Крюков,
Жмётся, съёжившись, к огню...
У него в Великих Луках
Расстреляли всю семью.
Морячок. Его списали
Прямо с палубы и к нам.
Астма – не было печали –
Душит парня по ночам.

Фотографии висели
Под иконой на стене.
Немцы – шась... И разглядели,
Растоптали и... к жене.
Та схватила кочерёжку
Ихватила одного...
Сирота теперь Серёжка –
Никого и ничего.
Как придёт с поста и курит.
Дым, конечно, ест глаза.
Неспроста он брови хмурит,
Но слеза – всегда слеза...

***

Ко всему привыкнуть можно.
Грязь – пусть с горем пополам,
Но елозим сколь возможно
По фашинам и по мхам.
Холод – стерпишься и тянешь,
Есть печурка наконец,
Нет – так всё равно оттаешь
От тепла людских сердец.

Голод – тут сложнее и хуже,
Ведь не тётка за спиной,
Затяни ремень потуже –
Вот тебе обед и ужин,
И потянешь день-другой.
Страх – кому в бою не страшно?
Боль – дай срок, пройдёт и боль,
Лишь рубцы беды вчерашней
Будешь век носить с собой.

***

– Прорывались мы к Ловати, –
Говорит Кузьмич, – глядим,
Как над хутором Всесвяты
Поднимался чёрный дым.
Как там было, я не знаю,
Но когда мы подошли,
У горящего сарая
Бабку старую нашли.
С треском рухнули стропила,
И под брёвнами в огне...
– Боже праведный, помилуй!
Подползла она ко мне.
– Видишь что, сынок, осталось
От моих-то... Вся семья.
Разрыдалась и упала...
– Господи, возьми меня...
Я растерянно и дико
Озирался... Боже мой,
Чем ей в горести великой
Мог помочь я, рядовой?
– Навестить сестру ходила,
А фашисты тут как тут...
И она заголосила.
А солдаты что-то ждут...
Закричал:
– За мной, ребята!
И тропой – наперерез...
Какова была расплата,
Знает только тёмный лес...

А ведь я, стыжусь признаться,
Рос в деревне, как телок.
Но телёнок мог бодаться,
Я и этого не мог.
Что другому с рук сходило,
Мне влетало без конца.
Мать руками разводила:
– И в кого ты родился ?
А отец скрипел зубами:
– Трудно, горько жить, сынок,
Коль не можешь кулаками
Отстоять свой закуток,
Это крохотное место
На земле среди людей.
Где живым темно и тесно,
Выживает – кто подлей.

– Вот вы пишете: фашисты...
А народ не виноват.
И на чистых и нечистых
Подстригаете солдат.
И они – народ, и кстати,
Грабят, зверствуют и жгут
Эти самые солдаты
Трудовой, рабочий люд...

– Под Петровском – склад посылок
Посмотрели бы, что шлют, –
Хоть бы, гады, кровь отмыли:
Торопились – не дойдут.
Не дошли. И божья кара
Палачей подстерегла,
В старой яме за амбаром
Им пристанище нашла.

– Ну так как?
Вздыхнул писатель:
– Вот такие пироги...
– Да, увы! – не для печати.
Но враги – всегда враги.

***

В разговор вступил Забродин:

– Да, политика, но всё ж:

Солидарность нынче в моде,

Но от правды не уйдёшь.

Начал я войну под Ровно,

Ночью прибыл эшелон,

Разгрузились спокойно.

Я и Старостин Семён

Были посланы в разведку...

Немец... Мы по шее – шмяк!

Притащили этак детку,

Что ты думаешь – поляк.

Командир развёл руками,

Был не меньше удивлён:

Оказалось – перед нами

Встал варшавский легион.

Ранен. Месяц в Чебоксарах.

Фронт. Разведка. И опять

Притащили двух мадьяров.

Что их – миловать? Кохать?

Ночью с Крастыньшем в Пиратах

Мы пошли за «языком»

И его родного брата

Взяли в бункере штабном.

Эшелон застрял в дороге

Где-то у Великих Лук,

Нас поставили на ноги

И направили на юг.

Долго мы маршировали,

Наконец пришли. Село.

Мы – в разведку. Немца взяли,

И опять не повезло.

«Макаронник» горько плакал,

Притворялся сиротой,

А в меня стрелял, собака,

Жаль, что нужен был живой.

И пойми вот нас, жальливых...

А они сожгли мой дом,

Расстреляли мать в Разливах

И глумились над отцом...
Да, политика. Не спорю.
Только кто их звал сюда?
А пришли – себе на горе:
Смерть за смерть – и вся нужда.

***

Хорошо писал Твардовский:
«Что отдали, всё вернём»...
Да, отдать легко и просто,
Всё вернуть – вот тут загвоздка
С непредвиденным концом.

У солдата Ермакова
Было четверо детей...
Ни семьи теперь, ни крова –
Пепелище да репей.

Дали отпуск по раненью –
Поседел как лунь солдат...
Взять-то взяли ту деревню...
Кто же в этом виноват?

Неужели мы, солдаты,
Мы, продрогшие в грязи,
Без вины, а виноваты
В тяжких бедствиях Руси?

Ночью вскакивает: – Мама...
И зовёт жену, детей...
Кровоточат наши раны
С каждым часом всё сильнее.
Чем утетишь безутешных –
Кто нас, грешных, вразумит?
Хоть поплакал бы, сердечный, –
В дверь уставился, молчит,
А в глазах такая мука...
Глянешь, вспомнишь о своём –
Что твоя беда-разлука...
И помолишься тайком...

Хорошо – изба родная
Не разграблена войной
И семья твоя большая
За солдатскою спиной.

Что бы ни было со мною,
Как-нибудь переживут...
Да, вернём, вернём с лихвою...
Но что было, не вернуть.

Пепелища да кладбища –
Больше не на что смотреть.
Не вернём, а строго взыщем:
Кровь за кровь
И смерть за смерть.

– От беды добра не ищешь, –
Утешает старшина, –
Ничего, брат, не попишешь,
Дело страшное – война.

У него беда другая,
Каково-то утешать –
Ведь до Минска от Валдая
Нам ещё шагать-шагать.

С сорок первого в разлуке.
Что он на сердце таит
И какая ещё мука
Поперёк пути лежит?

И затянем «козьи ножки»,
Подымим вот так – молчком,
Или выпьем на дорожку
И закусим сухарём,
И пойдём на заготовки:
Лес валить да гать гатить,
Иль вязать в кустах циновки,
Иль траншеи городить.

Вот и вся политбеседа...
Унывай не унывай,

А беда тащ́ится следом,
Кровью хлещет через край.

...Схоронили вскоре Сашу,
Рядом с ним и старшину
Положили в землю нашу,
Что «вернули» за войну.

А до Минска путь-дорогу
Занесёт ещё не раз.
Да, отдали слишком много,
Но вернули... Ради бога,
Не судите строго нас.
Русь, родная Русь... Помилуй,
Сохрани тебя, Господь.
И на братские могилы
Пусть тропа не зарастёт.
Прояви же волю божью...
Никого ж не возмутит:
За красивой нашей ложью
Правда страшная стоит.

7.

Я задумался невольно:
И моя судьба не мёд,
Со своей-то колокольни
Что бы ни было сойдёт.

Каково-то горемыкам...
Где-то дом и где семья?
Как ни дёргайся, ни хныкай,
От себя уйти нельзя.
Благо жив и по-живому
И страдаешь, и грустишь –
Всё доверишь ли иному? –
И в себе всю боль таишь.

И всего-то жить осталось,
Может, день, а может, час.
Видишь: мина разорвалась,
Окатила грязью нас,
А осколки – ниже-выше,

Завтра, может, в самый раз...

Хорошо ты, паря, пишешь,
Хорошо, но не про нас.

***

Есть и ловкие «писаки»,
Что шныряют по фронтам
Словно вольные казаки:
Нынче – здесь, а завтра – там;
За чайком у генерала
Посидят часок-другой –
И статья в два-три подвала
Или очерк фронтовой;
И красуются на фоне
Героических побед
По солдатскому жаргону:
Что за шум, а драки нет...

Что солдату остаётся?
Знай мотай себе на ус.
– Пишут люди, – улыбнётся, –
Что им сделается – пусть.

У него свои печали:
Как там дети, как жена,
Сколько хлеба нынче дали
Или всё свезли с гумна,
Отелилась ли корова,
Сколько сена запасли...
И, вздохнув, закурит снова...
Горек хлеб родной земли...

Молча выйдет из землянки,
К пулемёту припадёт.
– Эх ты, жизнь моя жистянка...
И печаль-тоску сорвёт.
Пулемёт, как зверь, завоет,
Дрогнет твердь и тишина.
Он-то знает, что такое
Настоящая война.

– Пишут... Пусть и нас услышат,
Каждый праведен в своём.
Мы ведь тоже книгу пишем
Кровью, потом и ружьём...

8.

В золотых лучах рассвета
Гаснут звёзды. Тишина.
И не верится, что это
Настоящая война.

– Тихо как у вас.
– Бывает.
То лимит, то дефицит.
На войне не «всё стреляют» –
И устраивают быт.
Обжились и мы немного:
Проложили эту гать,
Валим лес, мостим дорогу
В Парамоновскую падь,
Смастерили чудо-баньку –
Протопи и парься всласть,
И отгрохали землянку –
Батальонную санчасть.

А вот здесь – передовая...
Видишь каску? Это – он
Между кустиков шныряет,
Тоже чем-то возбуждён.
Может, нас с тобой заметил?
И гляди, что в нашу честь
Мину или пулю влепит,
И, конечно, повод есть:
Офицерские погоны,
Офицерская шинель,
Значит, важная персона,
Всё в бинокль – как на ладони,
Ну, скажи, разве не цель...
Попадись и мне такое,
Я бы мин не пожалел.
Видишь, высунулись двое,
Значит, взяли на прицел.

Наши ватники привычны,
Примелькались – мелкота.
Офицер пришёл обычно
В наши дебри неспроста.

– Эх, пальнуть бы в них снарядом...
Знаешь, дома засмеют,
Скажут: был «со смертью рядом»,
В самом что ни есть «капут»
И...

– И пусть смеются. Чести
Ты ни в чём не запятнал.
И моя душа на месте:
Взял живым, живым и сдал.
И у нас не «всё стреляют».
Откровенно говоря,
Всё ж стрельба опустошает.
Хочется найти себя,
Что-то «этакое», знаешь...
Как по Гоголю... Смешной?
Но «в пареньях» забываешь
Всё, что связано с войной.
Улетишь мечтой куда-то
И живёшь себе, как Крез, –
И без этого солдату,
Видит Бог, пеньковый крест...

Проводил его честь честью,
Дал он мне и адресок.
Через год о нём в «Известьях»
Был короткий некролог.

Глава четвёртая

1.

Что-то осень припозднилась,
Не сдаёт свои права,
Раздождилась, расходилась,
Как шальная голова

После тяжкого похмелья:
То вдруг солнце припечёт,
То листвою заметелит
И деревья с корнем рвёт.
То семь пятниц на неделе:
Солнце, ветер, снег и дождь,
То в озноб бросает тело,
То прохватывает дрожь.

Оборона... Оборона...
Сколько сказано о ней,
Сколько дней, ночей бессонных,
Сколько крови и смертей...
Вроде так: мышей не ловим,
Переводим харч зазря,
Редкий день могил не роем,
Не сдаём в госпиталя
Одного иль оптом сразу...
Каждый пьёт своё до дна, –
За избитой этой фразой
Правда страшная – война.

Поредели наши роты,
На пределе всяких сил
Еле держится пехота
За отбитые высоты,
Прикрывая фланг и тыл.
Но раз рота – значит, рота,
И отмерили по ней
Неба, леса и болота,
И землянок, и траншей.

2.

Новичку немного странно:
Этак можно воевать, –
Станет шуточкой туманной
Нам на что-то намекать.
Тишина-то здесь какая,
И людей-то не видать,
Не война, а мать родная,
Ну, не жизнь, а благодать.

Что ещё желать солдату?
Только высунулся – дзинь!
Снайпер пулю припечатал,
Да промазал. Сукин сын...

– Повезло, – солдат бывалый
Покачает головой, –
Не рискуй напрасно, малый,
Смерть – она не за горой.
И растерянно моргаешь:
Сантиметр бы – и готов,
И с тревогой постигаешь
Правоту солдатских слов.
Старшина – и тот пригнувшись
Ходит вдоль фашин и рва,
А махоркой затянувшись,
Дым пускает в рукава.
А уж он-то знает службу,
С финской топает в строю.
Глупо подставлять без нужды
Жизнь солдатскую свою.

И невольно весь сожмёшься...
Но пройдёт денёк-другой,
Пообтерпишься, притрёшься,
Станешь вдруг самим собой:
И бесхитростен по-братски,
И приветлив по-людски,
И умудрен по-солдатски,
И бесстрашен по-мужски.

3.

– Прибыл...
– Здравия желаю...
– Здравствуй, младший лейтенант.
Мы смеёмся, обнимаясь,
Тумаками дополняя
Радость встречи...
– Так-то, брат.
Убежать хотел?
– Куда там,

Прописали здесь опять.
На шестую Первый сватал.
А кому свою отдать...
Сколько было пережито...
Как к невесте, и присох.
– Да, вторая знаменита... –
И тяжёлый, горький вздох. –
Только Рамушево стало
Скорбным памятником ей:
Половины не осталось
Из твоих богатырей.
А сейчас садись. За встречу...
Завтра всё узнаешь сам, –
И комбат тряхнул за плечи, –
Слава нашим докторам –
Подлечили, подкормили!
Не робей, не пропадём.
Нас с тобой жестоко били,
А теперь мы сами бьём.
– Значит вместе... Слава богу...
Фляжка... Кружка... Котелок...
По одной на обе нóги
И ещё – на посошок!..

И вошёл вот так Залётов
Снова в свой привычный быт.
Уж не взвод, а принял роту
И весь ротный реквизит.

***

Через день цепочкой взводной,
Еле ноги волоча,
Подтянулись к кухне ротной
Все одетые добротной,
С командирского плеча
С бору, с сосенки ребята
Из штабов и кладовых...
– Да, конечно, наша хата,
Наша каша не для них, –
И Залётов с отчуждением
Вдруг подумал про себя:

«И война-то, к сожаленью,
Знать, у каждого своя.
Мы уж всласть навоевались.
Сколько хлопцев полегло!
Эти где-то ошивались
У начальства под крылом».
Он рассматривал прибывших
И старался угадать,
Кто чем дышит, кто что ищет,
От кого что можно ждать.
– Сдайте всё, что не по штату, –
Что положено солдату,
Завтра выдаст старшина.
Привыкайте – здесь война.
– А откуда доходяга? –
Обратился к старшине.
– Беглый это... Из «шталага».
Землячок. Пристал ко мне.
Ранен был. Под Двинском взяли.
Как уж выжил, сам не знал.
А сюда братков пригнали
Возводить какой-то «вал».
Он рискнул под вечер в ливень.
Слышал лай да в стороне.
Много страшного служивый
Рассказал дорогой мне.

И Залётов с удивленьем
Всё смотрел, как тот жевал,
Как ощипывал колени –
Крошки хлеба подбирал.

– Подкормить бы надо хлопца
Иль отправить в медсанбат.
А Захарченко смеётся:
– Возле кухни пусть потрётся –
И отдышится солдат.
Он сначала нас дичился,
Но пришёл и день, и час,
И Хитров разговорился...
Горек был его рассказ.

Плен... Он так разволновался,
Что привёл в смятение всех.
В каждом сердце отдавался
Этот ужас, этот гнев...

– Если мне бы волю дали,
Я бы фрицев в плен не брал, –
Как они нас истребляли,
Так и я их истреблял.
Да, вы скажете, жестоко,
Но не мы тому виной.
Зуб за зуб, за око око –
Тоже сказано не мной...

***

Я, как всякий русский, часто
С грустью думаю о том:
Понимают же прекрасно,
Что не кончится добром,
Что за всё платить придётся,
Что любая наша боль
Трижды кровью отольётся,
Как судьбу ты не неволь...
Вспомнишь виселицы в Кромах
И расстрелянных в Клинцах,
И девчушку на соломе,
Мать с ребёнком на руках,
Вся в крови, обезумела, –
Вспомнишь – и такая боль:
Будто собственное тело
Тоже бросили в огонь.

4.

Чем-то схожи и не схожи
Эти серенькие дни,
Что бегут по бездорожью
У большой войны в тени.

Вот наш дом – вторая рота...
И к чему досужий спор?

Там болото, здесь болото,
Вот и весь наш кругозор.
Что-то слышим краем уха,
Иль сорока на хвосте
Принесёт из дальних кухонь
Кучу важных новостей...
Где тут сплетни, где догадки,
Полуправда, полуложь?
Но с солдата взятки гладки,
Что услышишь, тем живёшь.
Не испытывай терпенье,
Всё равно, как всякий раз,
Лишь за час до наступленья
Зачитают нам приказ.

***

Тихо – немцы присмирели,
Не геройствуем и мы,
На паёк голодный сели:
Худо-бедно до зимы
По снаряду на орудье
Да по mine на трубу,
Да к тому же на безлюдье, –
Тихо – тише, чем в гробу.
И спокойно – мало-мальски
Утряслось и тут и там,
И не дёргает начальство,
И не дёргаешься сам.
И доволен всем и всеми,
Если можно на войне
Быть довольным, хоть на время,
Но довольным быть вполне.

Как-никак, а нас хвалили,
Черепухой да ползли,
От огня тылы прикрыли,
Всё же ряд высот отбили,
Закрепились, как могли.

Пусть не нам Москва салютом
Отдаёт по праву честь,

Но в боях за Днестр и Лютеж
Капля нашей крови есть.

***

Часто шапку нахлобучишь,
На тесёмки завязав,
И лежишь в землянке скрючась,
В плечи голову вобрав.
В голове, как в сельсовете,
Сто вопросов, сто проблем,
Всё искал, что бы ответить –
И запутался совсем.
Но из многих неизвестных
Теорема теорем:
В этом мире людям тесно,
В том – хватает места всем.
Потому-то, видно, людям
Не живётся по-людски –
Убивают, грабят, блудят
И стреляются с тоски.

С колоколенки солдатской
Еле-еле виден свет,
Но на муромских да вятских
Всё равно управы нет.
Всё вопросы да проблемы,
Будто жить без них нельзя,
Но одна больная тема
Не даёт нам всем житья.

***

Наступают наши братья...
За запросом шлём запрос,
Над казённой печатью
Пара фраз, а сколько слёз...

Получил письмо детина,
Смотрим: руки затряслись,
А глаза тоской-кручиной,
Словно кровью, налились.

Тяжелы мужские слёзы.
Мы насупившись сидим,
Ни к чему теперь расспросы,
Пусть поплачет. И молчим.

Письма, письма... Только между
Строк всего не перечеть.
Если даже нет надежды,
Есть святое право – мечь.

А у Кныш свои печали...
Вроде дома живы все, –
Лучше б люди не писали,
Легче было б на душе.

Что ей стоило две строчки
И фальшивое «люблю»
Нацарапать на листочке –
Легче было бы в бою.

Жил бы в призрачной надежде
И в неведеньи своём,
Был уверенней, чем прежде
И сметливей под огнём.

Не метался б, как ребёнок,
В полудрёме, в полусне
И не дёргался спросонок
С горькой думой о жене.

Ведь сегодня или завтра –
Горько это сознавать, –
Но сермяжной нашей правды
Всё равно не миновать.

***

И лежишь, глаза закроешь,
И такая вдруг тоска:
Если волком не завоешь –
Заблажишь наверняка.

Всё далёкое, родное,
Как бы из небытия,
В наше логово лесное
Вдруг придёт на склоне дня.
Знаешь: надо подниматься,
На посту сменить дружка,
А хотелось поваляться,
В мыслях, на пуховиках,
Как у мамы, в том далёком
И несбыточном раю, –
И целую мамин локон,
Что так бережно храню.

Как же раньше не умели
Мы ценить родной уют...
Вот бы к маме на неделю...
Отличусь, и, в самом деле,
Может, отпуск и дадут.
Хоть бы раз взглянуть сквозь щёлку,
Хоть бы раз вдохнуть в себя
Воздух милого посёлка,
Запах отчего жилья,
Чтоб ни крови и ни грязи,
Ни людской лихой беды, –
То-то б был солдату праздник
И награда за труды.

Размечтался бедолага,
Будто он уже всерьёз
Получил свои бумаги
На харчи и на провоз,
И летит внутри вагона
С полустанка по прямой,
Как та самая ворона
Из гостей к себе домой.

Даже чмокнул, облизнулся,
Закатил глаза и впрямь
Будто сел на стул, разулся,
Разогнулся, потянулся
И пристроился к блинам...

Дома взрослые – как дети
Под родительским крылом.

Боже, было ли всё это?
Было... Этим и живём.

И невольно хмуришь брови
И потянешься в кисет.
Все ли живы и здоровы?
Две недели писем нет.
И отец... Давно ни строчки...
Написал, что скоро в бой.
Что-то часто снится ночью
То вдруг мёртвый, то живой.
Представляю, как там мама:
Двое – здесь и двое – там...

Нет, пожалуй, в отпуск рано,
Это лучше и для мам.

5.

Развернул солдат газету...
Совинформ. Приказ. Салют.
– Широко шагаем с лета,
Только мы застряли тут.

И подспудная мыслишка
Нет да выползет тишком:
Если дома ребятишки
За торжественным столом
Спросят, как вы воевали, –
Что ответишь им, солдат?
Городов больших не брали, –
Было и не до наград.

Из болота да в болото,
Всё в обход да стороной,
Хоть бы центр какой для счёта
Или город областной.

Рад бы топать до Берлина,
Но солдатская судьба
Мерит вёрсты от трясины
До дорожного столба.

Наша жизнь не в нашей воле,
И закон один – приказ.
Шрамы, чирьи да мозоли –
Вот и весь иконостас.

Надо, ведь кому-то надо
И в болотах воевать:
От Холма до Ленинграда,
До Москвы – рукой подать.

Мест солдат не выбирает,
Где поставят, там и стой, –
И стоит, и совершает
Незаметный подвиг свой.

***

Подвиг... Что это такое,
Где рубеж, за коим жизнь
Ставит памятник герою,
Прочим – братский обелиск?
Где та мера нашей крови,
Нашей правды фронтовой,
За которой все мы вровень
Перед славой и бедой?

...Лесом – шли, стёрнёй – бежали,
Вдруг ударил пулемёт,
По команде все упали,
А Кузьмин пополз вперёд...

Положили – жди приказа,
Все лежат – и ты лежи.
Пушки вытащат из грязи,
Развернут – и будешь жить:
За щитом – не за шинелью...

Отшвырнул со злостью каску
И в горящий Юрьев Спас
Зашагал не без опаски,
Опоздав всего на час...

***

Сколько их, больших и малых,
Соловьёвских переправ...
Ты спроси солдат бывалых,
Что такое с ходу – вплавь
В амуниции солдатской
На доске иль на бревне, –
Ни тебе могилы братской
И ни весточки жене.
Ад кругом: плывёшь иль тонешь,
Иль кричишь, иль просто стонешь,
Кровь ли, смерть ли – всё равно
Тянет каждого на дно.
Выплыл – берег под ногами,
Но не думай: спасся, нет,
Тот же ад перед глазами,
Та же кровь и та же смерть.
Из сапог чуть вылил воду –
И опять в воронку с ходу:
Переправу прикрывать...
Снова жить и умирать.

***

...Мост под Старою Торопой
Рухнул вместе с пареньком, –
Кто-то видел из окопа,
Но в бою забыл о нём.
Прикрывал – мы отступали,
Не большая, правда, честь,
Но солдаты умирали –
Надо было – там и здесь.
Полегла бы, может, рота,
Но нашёлся богатырь –
Шуйский мальчик Вася Котов,
Отделенный командир.

...А вот тот, что спит, уткнувшись
Носом в тощий вещмешок,
Знамя спас и двух тонувших.
Где Ловать, а где Моздок, –
Для Арама Мирзояна
Каждый кустик – отчий дом...
Целый год считает раны
Вместе с нами под Холмом.

***

...Под Монаково – высоты.
Немцы вышвырнули нас.
А Степанкин с пулемётом
Лёг в кусты и дело спас:
Только немцы проскочили,
Он им в спину и – шабаш...
Мы – на орден. Там решили
Взять пока на карандаш.
Что поделаешь – их право,
Им с горы всегда видней,
Но солдат в бою кровавом
Рисковал судьбой своей.
Это просто говорится:
Что нам лечь за пулемёт,
Уложить полсотни фрицев,
Как Фома Смыслов «речёт».
А попробуй-ка на деле
С пулемётом лечь в кусты...
Это, брат, не в спецотделе
Разбирать наградлисты...

***

Нужен был «язык» и срочно.
– Кто? – полковник нас спросил
– Я!
– Степанкин, ты?
– Так точно!
– Ну, герой... – благословил, –

Но смотри, не зарывайся...
И вздохнул:
– Война войной,
Трудно, брат, но постарайся
Всё ж живым прийти домой.

Ночь прошла, и не вернулись.
Помянули молодцов:
На засаду, зная, наткнулись...
В полдень, смотрим, из Клинцов
Мотоцикл летит с коляской.
Ишь, газует... Бить, не бить?
Немцы... Что за свистопляска?
Заблудились, может быть?
– Приготовились!
– Отставить!
Наш полковник службу знал.
Право руль – и к нашим правит,
Мимо нас прогазовал.

Орден. Отпуск по приказу.
Только дом-то нынче – фронт...

А в коляске крепко связан
Гауптман – ни жив, ни мёртв.

Разве всё о нём расскажешь...
Да, пришёл солдат «домой» –
Новоржевщина-то наша
Стала горькой сиротой.
Долго фронт стоял – побили.
Отыскал старушку-мать,
Пенсион-то отломили –
С мелочишкой – двести пять,
Когда сто – буханка хлеба...
Воевать-то он умел
И не сетовал на небо,
Но права на то имел...

Глава пятая

1.

Можно б здесь поставить точку...
Это ль важно, как я жил?
Важно то, что я за строчкой
Под огонь врага ходил;

Важно то, что я со всеми
Похлебал солдатских щей,
Пережил лихое время
На виду у всех смертей,

Не солгал и не слукавил,
И от первого лица
Говорил о нашем праве
Быть солдатом до конца.

Пусть от кочки и до кочки,
Но среди родных могил.
Важно то, что эти строчки
Я, как память, сохранил.

Пусть не так красноречивы,
Но зато без шутовства,
Не для праздничного чтива –
Для сердечного родства.

2.

Да простит меня читатель,
Сколько лет прошло с тех пор,
Может быть, совсем некстати
Затянулся разговор;

Может быть, берёдить раны
Нам заказано давно:
Всё описано в романах,
Всё показано в кино.

По семь сборников иные
Написали в ту пору́ .
Что ж, бывают и такие,
Что пришлись не ко двору.

И опять я гость незванный,
Не попал опять «в струю»,
В барабан не барабаню
И в приёмных не сную,

Просто взял перо и с ходу,
Как бывало, – с марша в бой, –
Замутил святую воду
Нашей грязью фронтовой...

И люблюсь... как с экрана
«Светит» Ваня-богатырь, –
Как на бочке барабана
Покоряет Шпрею в ширь...

Офицер, лихой вояка,
На ходу подмётки рвёт, –
Вот он бросился в атаку
С грозным возгласом: «Вперёд!»

Там и тут снаряды рвутся,
Хлещет дот. Огонь и дым.
Можно б кровью захлебнуться,
Но герой – неодолим.

Генералы как с картинки,
Все, как сосенки в лесу,
Ни пылинки, ни соринки,
Ни занозинки в глазу.

Словом, баловни удачи.
Голова! А статья! А грудь!
Только кто кого дурачит,
Разберутся как-нибудь...

Безголосый запевала,
Не то воин – не то шут,

3.

Фронт от моря и до моря,
Отыщи, где твой окоп,
Где торчит в грязи по пояс
Твой родной стрелковый взвод.

Ни привета, ни просвета,
И, видать, надолго мы,
Словно «зайцы» без билета,
В бесплацкартной луже этой
За задворками войны
Прописались до зимы...

Ни подвоза, ни отвоза,
Неотступно льёт и льёт,
На ночь чуть прижмёт морозец,
Днём отпустит – всё плывёт.

То ли взгорки, то ли кочки –
Ни проехать, ни пройти,
Развезло – и ни обочин,
Ни колонного пути.

Сверху вроде кочка – встанешь,
Провалился: топь и грязь,
Коченея, ногу тянешь,
А другой уже увяз.

Чуть свернул – и по колено,
Оступился – и поплыл
В этом месиве студёном,
Выбиваяся из сил.

Ненадёжны наши гати,
И просёлок весь размыт,
Расползлись и наши «хаты»,
Потеряли прежний вид.

Но – живём и лямку тянем.
На войне везде не мёд,
Лучше всё равно не станет,
Грязь и мёртвого найдёт.

На худых плечах солдата,
Как на вешалке, висят
Автоматы, и гранаты,
И снаряды, и лопаты,
И солдатский провиант,
Зерновой фураж, и сено,
И носилки, и бинты,
Даже это вот полено
Носишь ты за две версты.

На себе и всё с собою,
Для себя и для других,
И для боя и из боя,
И для мёртвых и живых...

Бьёт зарядами пороша,
Хлещет ветер ледяной...
Тяжела ты, горе-ноша
За солдатскою спиной.

Душит кашель, жгут мозоли,
Поясница как в огне,
Чирьи – корчишься от боли,
А воюешь, как и все.
И живёшь со всеми вместе,
И, как все, свой крест несёшь,
И рубеж свой честь по чести,
Как положено, блюдёшь.

Кровоточат дёсны, зубы
Расшатались и болят,
Обметали струпья губы...
Что поделаешь, солдат?

И слюну, и кровь глотаешь,
А сухарь себе грызёшь,
И за всеми поспешаешь,
И от всех не отстаёшь.

А прихватит руки, ноги –
Дуешь сам себе в кулак,

А дополз – и слава богу –
Балагуришь натощак.

Чуть согреешься, оттаешь
И спешишь на огонёк.
И жуёшь хвою, как заяц,
И сосёшь противный сок.

Пальцы вспухли, как копыта,
Хоть подковы набивай,
А лопатой деловито
Грязь окопную сгребай.

Ночь иль день – шуруй до пота...
Накипело – приложись
И пальни из пулемёта
Так, чтоб звёзды затряслись.

Вроде легче, вроде что-то
Совершил, хоть знаешь сам,
Что патроны эти в роту
На себе через болото
Нёс по кочкам и по мхам.

Тяжело? Нет слов, но надо...
Коль не ты, так кто ж иной...
Такова, видать, и плата
За судьбу страны родной...

4.

Батальону приказали
Не менять режим огня,
Воевать, как воевали,
До условленного дня.

Все снаряды на учёте,
Миномёты на пайке...
Тяжело в бою пехоте
С трёхлинейкою в руке.

Немцы: что ни ночь – разведка.
То уложим наперёд,
То ворвутся – и нередко
Рукопашная идёт.

То ударят миномёты
По дорогам и тылам,
То пройдутся артралётом
По опушкам и лесам.

То навалятся «худые»
И давай – давай кромсать
Наши кухни, огневые! –
Головы нельзя поднять.

Бомбы – сотки, полусотки,
Вой моторов и сирен,
От высоты до высоты
Небо встало набекрень.

Ходит ходуном трясина,
Бултыхаясь и клубясь,
Бомбы вспарывают тину,
Перемалывают грязь.

Улетят – вздохнём немного,
Смотрим: «рама» тут как тут,
Так и рыщет над дорогой,
Жди – похлёбки поднесут.

Озираемся с опаской,
День-то только начался.
И опять, как в старой сказке,
Без начала, без конца.

Мы – пусть видят! – в обороне,
Укрепляем рубежи,
По болотистому склону
Ставим мины и ежи,

Из жердей заборы вяжем,
Засыпаем их землёй,

Укрепляем эту «пряжу»
Мохом, лапником, лозой.

Будет дом – была бы крыша,
Обживём – за малым труд...
Ничего о нас не пишут,
Только кладбища растут...

Сколько ж мы траншей нарыли...
Если б выстроить их в ряд,
То дошли бы до Берлина
И ещё пришли назад.

Сколько порвано обмоток,
Сколько стоптано сапог,
Сколько крови, сколько пота,
Сколько боли и тревог...

Но нам хвастать не пристало,
Хоть и скромность не нужна...
Нет войны большой и малой,
Есть всегда одна война.

За речушку, за высотку,
За избушку лесника,
За тропинку по болоту
Шириною в два вершка,
За село или станицу,
Иль за город областной,
Иль за мостик в половицу
На дороге фронтовой, –
Пусть какой бы ни был – бой:
Просто местный, скоротечный,
Иль короткий, жаркий, встречный,
Или страшный, бесконечный
За судьбу земли родной, –
Пусть какой бы ни был, – твой...

5.

Благо осень отступила,
А зима своё берёт,

Грязь морозцем прихватило,
И на лужах – коркой лёд.
Пусть телеги и машины
До карданов и осей
Вязнут в вспученной трясине,
Но на сердце веселей.

Не обласканы вниманьем,
Мы вдруг стали замечать:
Из тылов со спецзаданьем
Стали «гости» прибывать.

То сержанты, то старшины, –
Маскарад не маскарад, –
Выдают «ребят» седины,
Голос, выправка и взгляд.

Говорят: из разведбата.
Как бы ни был скрыт секрет,
Для бывалого солдата
На войне секретов нет.

То обмолвятся словечком, –
Пальцем уши не заткнёшь.
Папиросы-то, конечно,
Нет, не наш солдатский кошт...

Понимаем: маскировка.
И гадаем про себя:
Сколько пушек за «спецовкой»,
Сколько танков у «ребят»,
Сколько мин, клинков и касок,
Сколько водки, чёрт возьми,
И палаток, и повязок –
Сердце так и защежит.
Грустно думать, но и это
От солдата не уйдёт.
Запланировали где-то
И приход, и весь расход.

6.

Заковал декабрь болота,
А мороз всё жмёт и жмёт.

Новый год прошёл в работах,
А под старый Новый год
Поздно ночью нас сменили.
Только вышли за погост,
Вдруг всё небо озарилось,
Грянул гром и... началось.

Час, а пушки всё грохочут,
Впереди – сплошная мгла,
Словно ночь над тёмной ночью
Чёрной тучей напозла.

Взмыли красные ракеты,
И за валом артогня
Поднялась, пошла пехота
На кровавую работу
Ради завтрашнего дня.

А дорогой, целиною
Всё, что было, поднялось,
Поползло навстречу бою –
Танки, пушки и обоз, –

За колоннами колонны,
Словно призраки болот...
Мы, вторые эшелоны,
Тоже двинулись вперёд.

Вот он, грозный час расплаты,
Оглушённые глядим
На торчащие накаты,
На истерзанные скаты
Вместе с мёртвым и живым.
Тут и трупы, и станины,
Гильзы, ящики, стволы,
И колёса, и машины,
И сплошная мешанина
Снега, крови и земли...

Мы невольно оглянулись,
Сняли шапки... Замер строй.
– Мир вам, братья! – помянули
Всех, кто спит в земле сырой.

Говорят: никто не вечен...
Благо речь не о себе.
И пошли вперёд навстречу
Нашей горестной судьбе...

Нет, мы хлеб не даром ели:
Чуть спустились с высоты –
Вот они, – и мы глядели –
Всё кресты, кресты, кресты,
Целый лес на белом фоне,
Каски в инее, в снегу –
Каждая под стать вороне
На обветренном суку...

А по западному склону
Безымянной высоты
Вяло тянется колонна,
Растянувшись в две версты,
В шинелишках, в рваных ботах...
До чего же жалок вид...
Кто вас звал сюда, в болота,
На позорище и стыд?

Не размыкать наше горе,
Не развеять средь дорог,
А глядишь на эту свору –
Тает на сердце ледок,
И душа уже отходит...
Нет уж, что ни говори,
У великого народа
И сыны богатыри...

1940-50 и 1980-е гг

